

В день помолвки в дом семьи Тянь пришло немало любопытных зевак. Чжан Мэйлинь хлопотала, принимая гостей и представляя их друг другу; дети носились туда-сюда, смеясь и шумя. Обычно эта суэта казалась слишком громкой, но сегодня она приносила лишь ощущение праздника.

А в комнате двое, скрытые за волнами красного одеяла, уже давно забыли обо всём на свете. В пьянящем забытии они шептали друг другу самые сокровенные слова.

Тянь Ваньсин, сдавленно всхлипывая, сказал:

«Цимин, ты же говорил, что женишься на мне. Только я тебе под стать. Этот урод Хэ Бяня будет спать рядом с тобой — разве тебя по ночам не мучают кошмары?»

Лицо Чжан Цимина выражало и боль, и одержимость. Он не хотел слушать эти лишние слова, звучащие у самого уха; он лишь стремился ухватиться за этот краткий миг острого чувства, чтобы восстать против всего происходящего, найти хотя бы мгновение свободы и забвения.

Но Тянь Ваньсин не отступал, и Чжан Цимин был

Но Тянь Ваньсин не отступал, и Чжан Цимин был вынужден успокаивать его:

«Разве я не чувствую того же, что и ты, Ваньсин? Но против материнской воли не пойдёшь. Гороскоп Хэ Бяня проверяли и утвердили старейшины рода — я не могу отказаться. Виноват лишь в том, что пока у меня нет возможности жениться на том, кого я сам выбрал».

«Нет, Цимин, ты же учёный, сюцай. С какой стати этим старым мертвецам указывать тебе, что делать?»

Тянь Ваньсин ощущал, как Чжан Цимин изливает на него свою подавленность и горечь, и потому ещё больше сочувствовала ему, понимая его трудности.

Он с детства рос без отца, и мать считала его единственной опорой. Каждый его день проходил под её строгим надзором и контролем, а старейшины рода, вложив силы всей семьи, поддерживали его в учёбе ради экзаменов.

Чжан Цимин был словно заключён в жёсткие рамки: в обычной жизни он оставался честным и мягким, сдержанным в манерах, не позволяя себе ни малейшего отклонения.

И лишь Тянь Ваньсин знал: только рядом с ним он показывает свою настоящую, необузданную сторону.

В этом мире только он понимал Чжан Цимина — даже родная мать не могла занять его место.

Но теперь внезапно помолвка была заключена с Хэ Бянем. Как Тянь Ваньсину было это принять?

Все говорили, что Хэ Бянь глуп, простодушен, трудолюбив и усерден. Но только он один знал, насколько тот коварен: изо дня в день находил способы досадить ему, доводил до злости, не оставляя даже возможности выплеснуть обиду. Все были обмануты его притворством.

В одно мгновение старые обиды и новая ненависть захлестнули его. Обняв Чжан Цимина, Тянь Ваньсин тихо, сквозь слёзы, заговорил:

«С самого детства Хэ Бянь отнимал у меня всё — моих родителей, мою постель, мою одежду и

обувь, мою еду... А теперь он отнял даже мою судьбу. Если бы не он, в помолвке с твоей семьёй был бы я! Пусть бы хоть раз посмотрел на себя — чем он тебе подходит, Цимин? В чём он может сравниться со мной? Как ему не стыдно!»

С грохотом распахнулась дверь.

Двое, переплетённые в беспорядке страсти, побледнели от ужаса.

Плотно закрытая дверь отворилась, и тёмная комната мгновенно наполнилась светом. Обнажённые, они в испуге повернули головы — в дверях теснилась толпа людей, у всех лица застыли в изумлении.

На мгновение повисла мёртвая тишина, и лишь тяжёлый, развратный запах ударил в нос.

Проход был забит людьми, а из зала доносились громкие детские крики:

«Мы хотим увидеть сюцай! Где сюцай?»

Слышался и звонкий голос одного из юношей:

«Говорят, этот сюцай не только красив, но и редкий благородный человек — утончённый и чистый, совсем не такой, как наши грубые деревенские мужланы».

Услышав это, люди у двери невольно скривили губы от презрения — происходящее казалось им нелепым.

Хэ Бянь воскликнул:

«Вы... вы!»

Этот крик разорвал оцепенение. Потрясённые люди начали приходить в себя: задвигались плечи, вытянулись шеи, и взгляды жадно устремились внутрь комнаты.

Одна из женщин, прикрыв ребёнку глаза, бранилась:

«Какой ещё к чёрту сюцай! Только глаза моему ребёнку запачкал!»

Молодая девушка вскрикнула:

«Ай! Какая мерзость, просто стыд потеряли! И это ещё учёный, читающий книги? Да у нас в деревне даже простые мужики такого позора не сотворят — совсем уже не различают, где человек, а где зверь!»

Старик покачал головой:

«В такой день, день помолвки, за спиной у Хэ Бяня спутался с его младшим братом... Чему он учился — все честь и стыд в собачий желудок ушли. С таким характером и поведением, боюсь, и его учёная степень добыта нечестно. Какое уж там будущее, какие должности...»

Нашёлся и мужчина, который с ухмылкой обсуждал:

«Да уж, с таким-то хозяйством — и не угомонился... И этот Тянь Ваньсин тоже хорош. Не зря говорят: муха не сядет на яйцо без трещины. Я давно слышал, что он с малых лет распущенный. А ещё на нас, деревенских мужиков, смотрит свысока. По мне, так выбирать

надо таких, как мы — честных и простых».

Те двое на кровати уже не обращали внимания на ругань — головы словно налились кровью. Лишь с опозданием они схватили одеяло, пытаясь прикрыться. Но оно было слишком маленьким: они тянули его каждый на себя, и кто-то неизбежно оставался с оголённой верхней частью тела.

Кто-то насмешливо заметил:

«А ведь только что липли друг к другу, как склеенные».

Мать сющая, госпожа Ли, потемнела в глазах — ей казалось, что сердце вот-вот разорвётся от злости. Сжимая ладони, она смотрела на красные следы на белой коже сына — зрелище вызывало у неё отвращение.

Забыв о всяком достоинстве, она закричала:

«Чжан Мэйлинь, это ты воспитала этого бесстыдного лисёнка! Распутный, без стыда и совести — в день, когда его старший брат помолвлен, он осмелился соблазнить жениха брата! Мой сын — талантливый и с учёной степенью, как он мог обратить внимание на такого деревенского парня? Наверняка он подсыпал что-то, одурманил моего сына! Разве не видно — всё тело моего сына в следах!»

«Этот лисёнок, видно, позавидовал удачной партии брата и решил пойти на подлость, чтобы поставить дело перед фактом! Мой сын, должно быть, был одурманен!»

Госпожа Ли была одета со вкусом: на ней был вышитый зелёный жилет, на шее — ожерелье, лицо покрыто пудрой — настоящий вид жены чиновника.

Увидев её гнев, жители деревни невольно стали прислушиваться, и, следуя её словам, начали находить в них смысл.

«Точно, скорее всего, это Тянь Ваньсин и соблазнил. Кто в деревне не знает, что он, пользуясь своей внешностью, заигрывает с парнями? Даже сама Чжан Мэйлинь говорила: какой толк от сыновей — всё равно в итоге они будут крутиться вокруг её "красавца"».

«Верно, с детства Тянь Ваньсин всегда стоял над Хэ Бянем, во всём его превосходил. Теперь, конечно, не смирился — решил и мужчину у него отнять. Он ведь только что ругал Хэ Бяня — и ещё неизвестно, кто тут бесстыдный».

Слушая это, Тянь Ваньсин не выдержал обиды и с яростью закричал:

«Это неправда! Это Цимин сам взял меня! Он не хочет жениться на Хэ Бяне — он хочет взять в жёны меня! Перестаньте его заставлять!»

Чжан Мэйлинь уже собиралась закрыть дверь и разогнать людей, но те, кто начал было расходиться, услышав эти слова, тут же остановились и снова стали толпиться у входа.

Она стиснула зубы от злости — как же она могла родить такого глупого сына.

В этот момент госпожа Ли, услышав слова Тянь Ваньсина, стремительно бросилась вперёд и с размаху отвесила ему пощёчину.

«Бесстыдный лисёнок! Ещё смеешь совращать моего сына!»

Тянь Ваньсин опешил от удара. Не веря случившемуся, он посмотрел на разъярённую, словно готовую его растерзать госпожу Ли. Испугавшись, он прикрыл щёку ладонью и повернулся к Чжан Цимину:

«Цимин, скажи же что-нибудь! Скажи, что я говорю правду... что это ты сам... сам захотел меня...»

Госпожа Ли не могла больше это слушать — она снова рванулась вперёд, пытаясь сорвать с них одеяло и ударить. Увидев это, Чжан Мэйлинь, кипя от злости, тоже кинулась защищать своего ребёнка. В одно мгновение всё превратилось в хаос. Лишь с помощью деревенских родственников удалось утихомирить происходящее и разогнать любопытных.

Жители деревни, заметив, как Хэ Бянь сидит во дворе в оцепенении, невольно прониклись к нему сочувствием.

Такой хороший юноша — за что ему всё это? Говорят, будто он недостоин сюцая — да разве это так?

Хэ Бянь по натуре простой и искренний, работает ловко и усердно, да ещё и почтителен к старшим. Такой юноша, за кого бы ни вышел замуж, сумеет прожить хорошую жизнь.

А эта семья сюцая всё твердит о своём "благородстве"... Теперь-то видно — за внешней чистотой скрывается лишь грязь, о которой стыдно говорить вслух.

Обменявшись напоследок словами утешения, жители разошлись по домам. Люди ушли, но мысли их всё ещё оставались в доме семьи Тянь — всем хотелось узнать, чем же всё это закончится.

Особенно эта Чжан Мэйлинь — раньше всё говорила, что относится к Хэ Бяню как к родному сыну, мол, обе руки одинаково дороги. А теперь сразу стало ясно, как обстоят дела на самом деле.

«После того, что случилось, ваш сюцай обязан взять ответственность!» - с яростью заявила Чжан Мэйлинь в главной комнате.

Госпожа Ли тоже вспыхнула:

«Вот видите, как я и говорила! Вы всё это подстроили нарочно — хотите подсунуть в наш дом всякий сброд! Кто знает, чист ли этот Тянь Ваньсин? Распущенный, развратный — ветреная тварь!»

Чжан Мэйлинь от злости едва не лишилась чувств. Видя, как нагло ведёт себя госпожа Ли, она лишь жалела, что её муж уехал на заработки и не вернулся — не было рядом человека, который мог бы поддержать её.

Но Чжан Мэйлинь тоже была не из робких. Теперь, когда всё стало очевидно, она уже не спешила:

«Я прямо сейчас скажу: если ваша семья не возьмёт на себя ответственность, я, не жалея лица, дойду до уездного суда. Посмотрим, выдержит ли это ваша "учёная" семья».

Госпожа Ли стиснула зубы. Бросив взгляд на рыдающего Тянь Ваньсина и молчаливого сына, она сказала:

«Ладно. Пусть будет так: считайте, что берём двоих по цене одного. Ваш Тянь Ваньсин станет наложником — как приданое к старшему».

Чжан Мэйлинь взбесилась и ударила ладонью по столу:

«Мой Ваньсин — сокровище, которое я холю и лелею! Он лучший среди всех в округе! Ишь, чего захотели! Мой сын будет главным!»

Всхлипывающий Тянь Ваньсин тоже возмутился:

«Почему это я должен быть вторым? Чем я хуже Хэ Бяня?»

Сваха Цянь, наблюдая, как спор разгорается снова, заметила, что никто даже не думает о мнении самого Хэ Бяня.

Она видела его раньше — тот мальчик, похоже, совсем безвольный, из тех, кого легко мять и крутить как угодно.

Едва эта мысль мелькнула у неё в голове, как Хэ Бянь вошёл в комнату.

Холодно и отчётливо он произнёс:

«Я не выйду замуж. С людьми с человеческим лицом и звериным сердцем... я не собираюсь связываться. Не всякую грязь я стану принимать».

Сваха Цянь невольно вздохнула.

Вот это да... вот это характер.

Но её пять лянов серебра...

Вот же проклятые прелюбодеи!

Сваха Цянь за десятки лет своей работы повидала всякие грязные и постыдные истории, но сегодняшний случай и вправду был из разряда: "ножом по заднице — глаза открыло!"

<http://bllate.org/book/17226/1612413>